

18+ Анатолий Долженков

Дети перестройки

юмористическая проза

Анатолий Долженков

**Дети перестройки.
Юмористическая проза**

«Издательские решения»

Долженков А.

Дети перестройки. Юмористическая проза / А. Долженков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745101-1

Роман «Дети перестройки» — юмористическая проза. Эта книга об искусстве нашего человека выживать в самых непростых жизненных ситуациях, не теряя присутствия духа и чувства юмора. Герои книги — малоприспособленные к жизни люди, которым наконец-то улыбнулась удача. Это история, рассказанная о грустных, не совсем грустных и совсем не грустных событиях. Если настроение окончательно испорчено, Вам скучно или одолевает непроходящая депрессия, эта книга поможет отвлечься от надоевших проблем. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-745101-1

© Долженков А.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дети перестройки Юмористическая проза

Анатолий Долженков

© Анатолий Долженков, 2017

ISBN 978-5-4474-5101-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Для весны это майское утро выдалось прохладным и по-осеннему сырым. Накрапывал мелкий, часто морозящий дождь, приумножая численность луж и превращая их в непреодолимую преграду для редких пешеходов. Улицы, ещё не заполненные в столь ранний час беспорядочно снующими людьми, выглядели пустынно и уныло. Лишь гулкие отзвуки шагов одиноких прохожих да царапанье дворницких метел о шершавое тело асфальта время от времени нарушали непривычную тишину.

На углу проспекта имени Ленина и улицы Колхозной, которые то ли по чьему-то недосмотру, то ли из-за отсутствия в городском бюджете необходимых средств ещё не удалось переименовать в что-либо более демократическое и соответствующее духу перемен, стоял мужчина лет сорока – сорока пяти. Не требовалось особой наблюдательности, чтобы отнести незнакомца к самой малопочтенной категории наших сограждан. Опухшее, заросшее многодневной серой с проседью щетиной лицо, спутанный комок редких давно нечёсанных волос, через которые смутно просматривались грязно-жёлтые проплешины черепа и огромные дряблые мешки под глазами, не оставляли и тени сомнения, что мужчина пребывал в омерзительных лапах глубочайшего похмелья. Тяжело опираясь плечом о серую, пропитанную асфальтной пылью стену углового здания, он время от времени жадно затягивался сигаретой без фильтра, небрежно сплёвывая под ноги всякий раз, когда крошки табака попадали в рот. Впрочем, трудно назвать сигаретой грязный окурок, подобранный вероятно где-то здесь же, поблизости. Он был настолько коротким, что обжигал пальцы рук и потрескавшиеся от ветра губы курильщика, не причиняя ему очень уж больших неудобств. На мужчине было надето старое потрёпанное пальто с оторванным карманом и болтающимся на нескольких нитках воротником. За неимением иной одежды, пальто, вероятнее всего, использовалось как одеяние всесезонное. Истоптанные без шнурков ботинки, доживающие свою многотрудную жизнь, завершали непритязательный гардероб этой малопривлекательной фигуры.

В период бурного перехода страны от условий социального равенства к не совсем понятным отношениям под названием «рыночная экономика» с такими вот экзотическими фигурами всё чаще и чаще приходилось сталкиваться на улицах крупных и не очень крупных городов. Не было их разве, что в малонаселённых посёлках да деревнях, где людям, имеющим небольшой кусок земли в личном приусадебном хозяйстве, прокормиться было несравнимо проще. За короткое время эти люди-тени стали обыденным явлением повседневной жизни, обозначившись как одна из основных примет смутного времени.

По истечении нескольких лет, прошедших после объявления победы нового мышления над мышлением в целом, привычный и мало кого беспокоящий социализм после бурной непродолжительной агонии исчез из страны так стремительно, словно его там никогда и не было. Перестройка без особого напряжения перечеркнула семьдесят долгих лет интенсивного и, как утверждала пресса прежних времён, успешного социалистического строительства, не предложив взамен ничего путного и толкового. В самом начале преобразований народ довольно спокойно и где-то даже легкомысленно отнёсся к новшеству.

«Вот, мол, строили, строили что-то большое и светлое, наконец, построили, но неудачно. Теперь перестраивать будем, если, конечно, получится. Чем бы, как говорится, дитя не тешилось лишь бы...». В том, что не получится, что за много лет социалистического эксперимента руководство страны, направляемое «мудрой» коммунистической партией, разучились создавать разумное и необходимое не для системы, а для себя лично, сомнений не возникало ни у кого. Многовековой опыт выживания в самой беспокойной стране земного шара приучил ничему не удивляться и ничего хорошего от перемен для себя не ожидать, чтобы впоследствии не рвать душу и понапрасну горьких слёз не лить. Сколько всего пережили – револю-

ций, войн, разрух, коллективизаций – не перечсть. И ничего, слава Богу. Ни лучше, ни хуже. Средне. Разве что научились больше ценить спокойствие и плавное, без больших потрясений, течение жизни. Справедливости ради, следует отметить, что время от времени, у руководства страны исключительно по конъюнктурным соображениям, а не в силу желания что-либо поменять в лучшую сторону возникала потребность осторожно всколыхнуть болото и прервать ненадолго спячку. Ну, надо было, чтобы сон не стал летаргическим и необратимым. Тут же, немедленно, выдвигался прогрессивный лозунг и под лёгкий шелест дремлющих масс торжественно объявлялось соревнование или назначался почин. Всё это сценическое действие сопровождалось шумом, гамом, пылкими речами и криками фальшивых энтузиастов, назначенных ответственными за проведение торжественного мероприятия. Возникшая суeta на какое-то время пробуждала население, крайне ограниченное в выборе развлечений, вызывая непродолжительный и неподдельный детский интерес к происходящему. Немного пошумев, могучая волна инициатив, направляемая опытной рукой сверху, мягко откатывалась назад, не производя ни судьбоносных перемен, ни просто каких-либо существенных изменений. В лучшем случае народу предъявляли победителя соцсоревнования или назначали героя труда. И всё. А в этот раз что-то не так. Время шло, а волна не откатывалась. Хуже того – начало штормить. Новый хозяин партии круто загнул салазки. Довольно далеко и неосторожно отошёл от основных принципов прозябания.

«Вот человек-то, – умилялись люди в очередях и на общих собраниях. – Как за народ радеет. Какую волю дал. Неограниченную».

Но быстро минуло время восторгов, и на обломках идеологии прежней жизни, как грибы после дождя, проросли сомнения и беспокойство по поводу благополучного завершения очередного всплеска инициатив. Надежды тех, кто ожидал, что всё в конце концов вернётся в зад, успокоится и будет как прежде, не оправдывались. Наоборот, возникала непоколебимая уверенность в том, что где-то, по какому-то трагическому стечению обстоятельств или недосмотру, внутри надёжной государственной машины произошёл сбой, изменивший плавный ритм движения страны по накатанным схемам. Нарушился бесперебойно работавший много десятилетий ход возвратного механизма системы, и мощная многомиллионная громадина, гремя и скрипя всеми своими устаревшими, выходявшими гарантийный срок деталями, сорвалась с привычной орбиты и понеслась навстречу неизвестности, угрожая катастрофой всему окружающему миру.

Что же привело надёжную и на первый взгляд вечную государственную машину к самоуничтожению? Ведь никто же специально не ломал. Почему страна, сохранившая веру в незыблемость социалистических устоев, пронеся её сквозь бури войн и испытаний лишениями, вдруг утратила эту самую веру на ровном месте в условиях относительной стабильности и покоя. Ошиблись в выборе последнего лидера партии? Не того, что ли, выбрали? И это тоже. Выбрали не традиционного старичка, которому разрешалось недолго «поручить у власти» и через два – три года освободить место для такого же недолговечного. По непонятным и ныне причинам на первый план протолкнулся молодой, резвый, озабоченный переменами скакун, не успевший расплескаться на периферийных руководящих должностях фонтан кипучей, но как оказалось впоследствии разрушительной энергии. Вот и рассуждай после подобных фактов о роли личности в истории на предмет, может ли она, эта личность, изменить её ход. Оказалось, что может и не просто изменить, но и развернуть процесс в совершенно противоположную от привычного направления сторону. А что же народ? Не остановил, не осудил. Зачем допустил подобное безобразие? А что народ? Советский народ привык к тому, что все, что решается наверху – это правильно, а потому сомнениям и оценкам не подлежит. К огорчению многих, понимание необратимости изменений пришло слишком поздно. Повернуть ситуацию вспять было уже просто невозможно, да и некому. Жизнь настала тревожная и непривычная, поскольку витки её спирали раскручивались в направлении непонятном.

По ходу движения от социализма к неизвестности резко изменилось отношение и к самой жизни. Вдруг выяснилось, что теперь уже разрешено всё то, о чём бывший советский человек и мечтать-то боялся. Кто мог предположить, что, например, можно вот так запросто взять, да и навсегда покинуть Родину без каких-либо трагических последствий для себя и семьи. Никто. А оказалось, что уже можно. И вначале очень робко, с оглядкой и неуёмным тремором конечностей, а затем всё смелее и смелее толпы наших соотечественников стали заполнять собой близлежащие европейские государства и далёкий американский континент, сильно потеснив при этом аборигенов, традиционно населяющих эти территории. Слабые ручейки переселенцев из бывших социалистических республик, сливаясь в могучие потоки полноводных рек, заполнили собой почти весь европейский и значительную часть американского континента, довольно сносно там обустроившись. Жизненные потребности они имели минимальные и выживали там, где люди, привыкшие к благам цивилизации, выжить не могли. Очень скоро сытым европейцам, самодовольным американцам, да и другим не менее благополучным народам пришлось почувствовать на себе совершеннейшие механизмы выживания советского человека в любой среде обитания и при любом общественном строе. К всеобщей радости переселенцев обнаружилось, что в развитых демократических странах эти универсальные механизмы приспособления заработали ещё быстрее и эффективнее, чем при тоталитарном режиме.

Произошло то, что всегда происходило на многовековом тернистом пути прогресса человеческого общества. Чтобы оно, общество это, окончательно не вымерло на длинном историческом пути развития цивилизации, жизненно необходимо периодическое впрыскивание новой густой, насыщенной неуёмной энергией крови в жидкий и вялый кровеносный поток утомленных жирной жизнью народов и народностей. Как показывает исторический опыт, такое вполне может произойти. Крах обожравшейся и погрязшей в роскоши и блуде Римской империи – ярчайшее тому подтверждение. Таким мощным стимулятором стала не растратившая генетические силы могучая и здоровая кровь, подвергнувшаяся в продолжение долгих семидесяти лет принудительной консервации в нетронутых сосудах советского человека. Но наряду с общим положительным эффектом образовались и некоторые негативные моменты кровосмешения. Наши люди, мгновенно освоившись в новой ситуации и усиленно размножаясь на благодатных землях, довольно быстро и успешно принялись теснить хозяев во всех сферах жизни, опираясь на их же жизненные правила, законы и устои, но с привнесением некоторых элементов отечественного фольклора. Помните, да? «Была у зайца избушка лубяная, а у лисы ледяная...». И так далее по тексту. Мы ж рождены, чтобы их сказку сделать нашей былью, а они этого не знали. Жизнь она неоднократно подтверждает годами проверенную истину – желание принудить окружающих жить по своим меркам может и не привести к ожидаемому результату.

Довольно поучителен в этом плане следующий исторический пример. Как повествует история, одному французскому изобретателю, жившему во времена известной французской революции, закончившейся, к слову сказать, так же, как и в нашем случае, ничем, как-то пришла в голову мысль о создании некоего приспособления, позволяющего усовершенствовать маломеханизированный в то время процесс публичной казни. Побуждения учёного мужа, рассчитывающего с помощью свежей научной мысли, облечённой в смелое техническое решение, существенно подсократить поголовье бывшего правящего класса, были самые, что ни на есть по тем временам прогрессивные и соответствовали духу перемен. Навязчивая идея была благополучно реализована и головоотсекающая машина, наречённая в честь автора гильотиной, навсегда обессмертила великое имя учёного. Но поскольку справедливость в этом мире хотя и крайне редко, но всё же торжествует, по прошествии некоторого времени, когда изделие было уже запущено в серийное производство, ситуация для автора проекта сложилась столь неблагоприятно, что прогрессивному учёному одному из первых довелось испытать изобретение на собственной шее. А что? Вполне справедливо. Не рой яму другому. Следуя аналогии, логично будет предположить, что процесс вытеснения славянами и примкнувшими к ним наро-

дами и народностями менее приспособленных европейцев и американцев есть не что иное, как гильотина – справедливое возмездие родоначальникам демократических принципов за нарушение баланса, удерживаемого в недалёком прошлом за счёт противостояния двух различных социальных систем. По крайней мере, таково мнение основной массы бывшего советского народа, по настоящее время болтающегося где-то в переходном периоде и потерявшего надежду прибиться уже неважно к какому берегу – социалистическому ли, капиталистическому. Без разницы, была бы земля, твердь. Не всем, но очень многим уж очень надоела многолетняя изнуряющая качка. Именно в этот исторический момент общество расслоилось как пирог.

Те немногие, кто не был подвержен приступам морской болезни, довольно быстро освоились с ситуацией и, как говорится, распустили паруса. Повсеместно стали появляться состоятельные люди, застроившие окраины городов двух – трёх и четырёхэтажными особняками. Игнорируя малопригодный для езды отечественный автотранспорт, они пересели в иномарки, а отдыхать предпочитали на теплых морях за пределами собственной страны. Не теряя времени в напрасном ожидании спасительного крика «земля», они, умело лавируя в условиях разыгравшейся стихии, быстрее других поняли, в какую сторону необходимо крутить штурвал и какие при этом паруса требуется ставить, а с какими торопиться не следует. Результат не замедлил себя ждать. За очень короткое время собственность, которая прежде числилась как общенародная, претерпела столь существенные и коренные изменения, что окончательно потеряла право так именоваться. Будучи по своей социальной природе диэлектриком, общество преобразовалось в магнит с положительным и отрицательным полюсами. Произошло то, что и должно было произойти по всем законам физики. Часть людей, с разными скоростями солидно и комфортно, двинулась к положительному полюсу. Основную же массу безудержно, вопреки их воле, потянуло к полюсу отрицательному. Появились люди с различным уровнем достатка. Люди маленького и среднего достатка с раннего утра до позднего вечера сутились без сна и отдыха и пытались купить что-то дешевле, а продать дороже – больших денег не имели. Многие отечественные политологи, появившиеся, кстати, тоже неизвестно откуда, объясняли этот феномен результатом различных стартовых возможностей в длинном забеге на выживание. По их мнению, всё зависело от расстояния, отделяющего человека от кресла власти. Именно оно определяло в этот переходный период, что кому дать, кому пообещать, но дать половину, а кому отказать вовсе. Чем короче было это расстояние, тем больше открывалось возможностей протолкнуться в первые ряды и стать авангардом перестройки под прикрытием демократических лозунгов и обещаний скорого пришествия всеобщей райской жизни. Но сами они так долго ждать не желали. В короткое время всё было поделено. Повезло тому, кто успел оказаться в нужное время, в нужном месте. Но счастливицов было немного. На всех, как говорится, не хватило. Большую часть общества составили люди бедные, привыкшие во всём полагаться на государство и свято верящие в то, что весь этот кошмар когда-нибудь закончится, и социальная справедливость, о которой за годы советской власти прожужжали все уши, восторжествует. И надежда эта будет теплиться до тех пор, пока не вымрет поколение, еще помнящее ту жизнь, и на смену им придут те, кто родился позже.

К слову сказать, в борьбе за выживание и обладание как можно большим количеством материальных благ участвовало не всё население страны. Существовала категория людей, именуемых в народе бомжами, побирушками, нищими – людьми без определённого места жительства и занятий. Эта часть общества, как правило, не имела ничего: ни постоянного заработка, ни сносного человеческого жилья, ютась в подвалах, прижимаясь к теплотрассам, прячась в других местах, где хотя бы на время можно было бы укрыться от холодов или непогоды. С течением времени они полностью утратили интерес к жизни, которую и существованием-то назвать невозможно, изобретая свой пригодный только для них способ выживания. С раннего утра до позднего вечера копошились они на свалках и помойках в поисках остатков пищи, бутылок

и старых непригодных вещей, собирая и сортируя макулатуру и тряпье. Куда это всё потом пристраивалось – неизвестно, но, видимо, столь малоприятный труд позволял этим людям как-то существовать.

Именно такая фигура маячила на пересечении двух улиц ранним весенним утром. Глаза, сверкающие лихорадочным блеском на опухшем испитом лице, вот и всё, что ещё жило в этом человеке. Их нетерпеливый взгляд был устремлён на здание, расположившееся напротив, через дорогу. На противоположной стороне улицы во всю ширину первого этажа пятиэтажного дома разместился магазин с лаконичным названием «Стройматериалы». Огромные толстые стёкла, прикрывающие его витрины, были размалёваны рисунками, рекламирующими ассортимент товаров и услуг, предлагаемых магазином. Входная дверь была ещё заперта, но в глубине огромного его чрева уже можно было различить снующие тени продавцов, формирующих витрины, и уборщиц, протирающих полы и стёкла. Мужчину интересовала только дверь. Тем не менее, периферическим зрением он заметил тощую старуху в длинном засаленном халате, тяжёлыми шаркающими шагамидвигающуюся в его сторону.

– Сколько? – поравнявшись с незнакомцем, шамкнула она беззубым ртом.

– Семь минут, – лаконично ответил мужчина, продолжая гипнотизировать дверь.

Часы, подаренные отцом, он пропил много лет назад. Нужды в них не было. С точностью до секунды он мог определить то заветное время, когда гостеприимно распахнувшаяся входная дверь магазина прервёт томительное ожидание. До открытия магазина действительно оставалось семь минут. Ровно в восемь часов молоденькая продавщица отворила дверь и несколько человек, толкаясь и опережая друг друга, ринулись вовнутрь. Наш знакомый оказался самым проворным, сумев стартовать при первых звуках отодвигающихся засовов. Он раньше конкурентов проскочил в открытую дверь, едва не сбив с ног зазевавшуюся продавщицу, и оказавшись внутри, быстрым решительным шагом направился к отделу, над которым красовалась надпись «Бытовая химия». Вынув руку из кармана пальто, небрежно высыпал на прилавок несколько скомканных бумажек и горсть мелочи.

– Две, – буркнул он, не утруждая себя дополнительными разъяснениями, рассчитывая, видимо, на сообразительность работницы прилавка.

Та в свою очередь также не стала задавать лишних вопросов и на прилавке возникли два пузатых литровых пузырька, наполненных голубоватой жидкостью. Аккуратно упаковав обе ёмкости в потёртый полиэтиленовый пакет, мужчина быстрым шагом направился к выходу.

Не задерживаясь даже перед мигающим жёлтым светом светофора, он двинулся вдоль проспекта имени пролетарского вождя и, миновав два квартала, свернул в ближайшую подворотню, примыкающую к правой стороне проспекта. Оставив позади несколько многоэтажных домов, мужчина благополучно достиг двух близнецов зданий, соединённых между собой неказистой аркой, и, нырнув между ними, оказался на территории неухоженного внутреннего двора перед трёхэтажным домом с облезлыми грязно-желтыми стенами, которые всюду, куда только смогла дотянуться творческая рука шкодливого подростка, были обезображены надписями и рисунками бытового содержания. Основная тема, определяемая как «Вовка – дурак» красной нитью проходила через всю идею настенного творчества. Во множественных аналогичных сообщениях коренному изменению подвергалось только первое слово, где Вовка менялся на Сашку, Пашку, Димку, второе же оставалось стабильно неизменным. Кое-где встречались надписи, носящие ярко выраженный сексуальный характер. Самая большая и красочно оформленная сообщала всем заинтересованным лицам, о том, что «Катя любит Мишу». Расположенный несколько в стороне рисунок прояснял самым бестолковым ценителям наскальной живописи механизм этой самой любви. Поверхностная оценка шедевров, представленных на суд случайных прохожих, приводила к неутешительному заключению: рука профессионального маляра лет тридцать, а может быть и больше не облагораживала фасад запущенного строения даже косметическим ремонтом. Расписанные мелом стены, обвалившиеся углы и торчащие

отовсюду ржавые пруты арматуры свидетельствовали либо о плачевном финансовом состоянии коммунальных служб, владеющих этой убитой недвижимостью, либо о его полной бесхозности.

Мужчину не интересовала ни тематика уличного творчества, ни состояние здания. Проскользнув в ближайший подъезд, он, бегом прыгая через две ступеньки, взлетел на второй этаж и особо не церемонясь, пнул ногой ободранную входную дверь. Привыкшая к подобному обращению дверь, жалобно скрипнув навесами, широко распахнулась, обнаруживая вход в неустроенное жильё, которое с большой натяжкой можно было классифицировать как человеческое. По сути, это была однокомнатная типовая квартира, известная в народе как «хрущёвка» или «хрущёба», пребывающая в крайне запущенном состоянии. Изнутри здание выглядело также мерзко, как и снаружи. Стены комнаты, оклеенные много лет не менявшимися грязными обоями, свисающими в некоторых местах рваными кусками, несли на себе печальные следы многочисленных затоплений. Огромная гора мусора на полу, сформированная в основном из скомканных обрывков старых пожелтевших газет и непригодных для сдачи в пункты приёма стеклотары битых пустых бутылок, значительно сокращала полезную площадь комнаты. Лишь по наличию куцей мебели можно было догадаться о том, что в квартире этой ещё обитали живые люди. Старый квадратный стол с сохранившимися кое-где кусками тусклой полировки занимал почётное место посреди комнаты. К нему сиротливо прижимались два стула с фанерными сидениями и трёхногий инвалид-табурет. Чуть дальше у стены вальяжно расположился старый чёрный диван, вышедший из моды лет пятьдесят назад. Завершала композицию стоящая в углу у окна металлическая кровать с сеткой, небрежно прикрытая ветхим тряпьем.

На кровати, повернувшись лицом к стене, спала женщина. Тёплая кофта, первоначальный цвет которой определить было уже крайне затруднительно, мятая серая юбка да спущенные почти до стоп дырявые чулки служили спящей одеждой и покрывалом одновременно.

Вошедший в комнату человек, Нищета Василий Митрофанович, числившийся ответственным квартиросъёмщиком убогой квартиры, тяжело ступая, направился в центр комнаты. Задержавшись у стола, он неторопливо дрожащей рукой извлёк из пакета один за другим два литровых пузырька, приобретенных в магазине строительных материалов, и, стараясь не разбить драгоценную ношу, бережно выставил их на середину стола. Сделав шаг назад, он оценивающим взглядом окинул натюрморт и, по всей видимости, остался доволен увиденным. Не отрывая взгляда от приобретенного товара, попытался сбросить пальто на спинку ближайшего стула, неуклюже подпрыгивая на одной ноге, что ему не без труда, но, в конце концов, удалось сделать. Постояв некоторое время, в раздумье глубокомысленно почёсывая нос, он, наконец, обратил свой задумчивый взор в сторону кровати. Женщина по-прежнему спала. Приблизившись вплотную, мужчина осторожно заглянул в её лицо, вслушиваясь в хриплое дыхание.

– Спишь, что ли? – принялся он тормошить трясущейся рукой спящую. – Проснись, Маня. Проспишь царствие небесное и маленькие земные радости. Муж не с пустыми руками, с товаром вернулся. Э-э-эх, – удовлетворённо потер он ладони, возвращаясь к столу и любуясь пузырьками, – устроим один праздник жизни на двоих.... Заодно и здоровье поправим. Видно, перебрали мы с тобой вчера, не рассчитали дозу – болезненно поморщился он. – Лишнее в организм влили. Когда пьешь, разве же поймешь, что оно лишнее? Утром только и постигнешь истину. Как в прежние времена говаривали алхимики, появилась острейшая потребность в восстановлении электролитного баланса в организме на клеточном уровне. Благо, имеем чем.

Не получив ответа на вполне конкретное предложение, Нищета повышает голос, нетерпеливо сверля взглядом спину спящей.

– Я долго буду вещать над неподвижным телом или требуется применить более радикальные меры для пробуждения спящей красавицы?

Женщина пошевелилась, обнаруживая первые признаки жизни. Кряхтя и охая, она тяжело поднялась и уселась на край кровати, обводя комнату мутным, бессмысленным взглядом.

– Какие там ещё алхимики? – зевнув во весь рот, потянулась она.

– Известно, какие, – хитро ухмыльнулся Нищета, – химики – алкоголики. Кто же ещё?

– Господи, неужто и такое водится в православном мире? – не поверила Маня.

– Встречаются ещё кое-где специалисты столь узкого профиля, – Нищета тяжело сел на один из стульев, с тревогой прислушиваясь к его скрипу. – Но давай оставим лишние разговоры и перейдём ближе к делу, как любил говаривать один из моих прежних наставников, – продолжил он, убедившись, что стул на этот раз выдержит. – И вот, что характерно, букву «д» он произносил не совсем четко, поэтому фраза в его авторском исполнении звучала, как «ближе к телу». Вот где была потеха-то. Мужики веселились от души, у женской же части аудитории столь двусмысленное предложение вызывало нервозность и нездоровый румянец на щеках. Д-а-а-а. Воспоминания юности былой... Что-то я отвлекся. Так вот о главном, – переходя на деловой тон, продолжил он. – Пока ты, любовь моя, воздух в квартире перегаром освежала, я уже успел кое-что организовать к завтраку. Как гласит народная мудрость, кто раньше встаёт, тому судьба льготы даёт.

Слова на женщину подействовали благотворно. Лицо ее приобрело осмысленное выражение. Заметив пузырьки на столе, она хищно улыбнулась, судорожно сглотнув слюну.

– Вижу, вижу, не с пустым клювиком прилетел, голубь, – прохрипела она пропитым голосом.

– А как же. Не железнодорожник, порожняк гонять – не мой стиль, – Нищета нетерпеливо щёлкнул пальцами. – Давай, мышонок, шевелись шустрее, – пророкотал он, сверля спутницу жизни нетерпеливым взглядом. – Что у нас из вчерашних деликатесов осталось – хлебные крошки или картофельные очистки? Всё неси, пировать будем.

Маня, тяжело поднявшись с кровати, побрела к столу, чувствуя, как с каждым шагом разминаются затекшие суставы ног и уменьшаются подагрические боли в стопах. Взяв в руки пузырек, принялась внимательно рассматривать этикетку. Она долго и беззвучно шевелила толстыми губами, пытаясь вникнуть в смысл прочитанного текста.

– Так, так. Это что за натурпродукт такой, науке неизвестный? – наконец осведомилась она, брезгливо нюхая пробку. – Что-то не могу разобрать, как принимать эту жидкость интеллигентной женщине? По столовой ложке или по стакану три раза в день; натошак, после еды или вместо еды? И вообще, не имеет ли он, не дай Бог, противопоказаний или побочных эффектов, как шутят наши медики?

Пауза затянулась. Нищета не скрывая раздражения, мрачно наблюдал за ленивыми манипуляциями сожительницы.

– Хочешь пояснений? Изволь. В демократическом обществе потребитель всегда имеет право на информацию о продукции, которую хочет применить к своему организму. Так вот принимать этот напиток требуется, – наконец не выдерживает он, – по жизненным показаниям, чтобы оросить иссушенную похмельем душу. А поскольку в нашем спитом дуэте я являюсь главным экспертом по любым напиткам, крепость которых измеряется в градусах, то со всей присущей мне ответственностью заявляю: научных исследований в обозримом будущем проводить не будем. Приступим сразу к экспериментальной части проекта. И не надо так долго портить зрение, отыскивая знакомые буквы и слова. Люди обычно учатся читать по букварю, а не по этикетке, – продолжая говорить, он вплотную приблизился к женщине. – И конспектировать, тоже не требуется... Не «Капитал» Маркса. Впрочем, какие могут быть конспекты, если в этой квартире уже лет пять, как не найдёшь ни карандаша, ни ручки, ни каких-либо других письменных принадлежностей. Да и сама из себя ты уже девочка – переросток, если брать по большому счёту, – ухмыльнулся он, окинув женщину критическим взглядом. – Как-

никак, пятый десяток пошёл. Поздновато тебе грамоте-то учиться, а? Раньше надо было за ум браться. Так что, займись-ка лучше делом. Давай, мечи на стол по полной программе.

Маня, презрев гневный монолог сожителя, продолжала исследовать этикетку с тем же неослабевающим интересом.

– Не торопись, успеем, – выдержав достойную паузу, спокойно вымолвила она, игнорируя сарказм супруга. – Наше счастье от нас не уйдёт, с нами и останется. А вот здоровье – оно хотя с рождения и бесплатно человеку выдаётся, но не казённое ведь, а своё собственное. Беречь его надо здоровье-то. При той многотрудной жизни, которую мы с тобой, Вася, ведём подорвать его пара пустяков. Так чем же сегодня мы порадуем свою страждущую плоть? Судя по этикетке, может быть даже в последний раз в этой жизни. Вот, пожалуйста, так я и знала. Не доведёт тебя до добра образование. Тут же ясно написано: жидкость для обработки деревянных покрытий. И дальше по тексту, обрати внимание, запрещено к внутреннему употреблению. А ниже ГОСТ какой-то и цифры. Это что-то новенькое в нашем меню. Так мы скоро и горюче-смазочными управляться станем.

– Эх, Маня! – грустно промолвил Нищета, устало опускаясь на край кровати. – Вот слушаю я тебя, слушаю и всё больше убеждаюсь, что ты у меня дура не потому, что дура, а потому, что женщина с незаконченным средним образованием. Предупреждал же Ленин недоразвитую молодёжь в своё время. Учись, говорил он. Три раза повторил на всякий случай. Чувствовал вождь, что некоторым тугодумам одного раза маловато будет. Вот и ты проявила легкомыслие в вопросе повышения уровня образования, и как следствие – печальный результат. Буквы ты, вроде, узнаешь, а глубоко в суть вопроса вникнуть не можешь. Кто же тебе будет на этикетке писать, что жидкость эта помимо прямого своего предназначения ещё и к внутреннему употреблению пригодна. Это сколько же в стране деревянных покрытий необработанными останется, а? Вот и я говорю – много. А мы к этому вопросу подойдём творчески, – бережно взяв в руки сиротливо стоящий на столе пузырьёк и нежно поглаживая выпуклые стеклянные бока, мечтательно улыбнулся он. – Освоим способ нетрадиционного применения продукта. Переведем его из разряда технические жидкости в разряд освежающие напитки. ГОСТ же Маня – это гарантия качества нектара. Впрочем, для полного спокойствия я бы обязал бы каждого производителя указывать собственную фамилию на товаре для широкого употребления. От такого нововведения большого вреда не будет. Даже польза некоторая – точно будешь знать, кто тебе здоровье подорвал и чем.

– Нет, не припоминаю я, чтобы мы чего-нибудь в этом роде злоупотребляли, – всё глубже и глубже погружалась в пучину сомнений Маня, – Тебя послушать, так пьётся всё, что капает и льётся. Я согласна, – задумчиво почёсывая нос, осторожничала она, – если продукт жидкий и с градусами, то его можно пить и без назначения врача. Но есть те ещё напитки... Захлебнёшься с непривычки. Один раз выпил и всё. А потом, как говорится, тебя оденут в строгий костюм и белые тапки, правильно сложат ручки на грудке, и сердобольные старушки туда свечечку вставят, попричитают, споют что-нибудь подходящее к случаю и в последний путь проведут. Оно бы все ничего, но ты же знаешь, белое меня старит, особенно обувь.

Нищета погрустнел лицом.

«Чёрт побери! – уныло подумал он, грустно взирая на опутанную сомнениями Маню. – В который уже по счёту раз приходилось разъяснять этому недоразвитому существу, что белое – это белое, а всё остальное – разноцветное. Ну, нет денег на водку. Нет, и не предвидится их появление в обозримом будущем».

Конечно, он мог бы не тратить попусту дар убеждения, если бы не одно «но». Василий Митрофанович не любил пить в одиночку. Ну, не получал он удовольствия, оставаясь тет-а-тет с бутылкой. Ему нужен был оселок, точило, на котором можно было бы оттачивать сталь своего красноречия, блистать широтой и глубиной нестандартного мышления и остатками эрудиции былой. Маня, как никто другой, подходила на эту неблагодарную роль. Высокопарные

застольные речи сожителя она благоговейно выслушивала, не позволяя себе перебивать их даже короткими репликами.

Стараясь придать голосу твёрдость и убедительность, Нищета сделал робкую попытку за фальшивой бодростью скрыть собственную неуверенность и ноющий страх. Глубоко в душе он разделял опасения женщины. Непредсказуемость последствий приёма голубой жидкости внутрь организма пугала, но дешевизна и солидный объём продукта, помноженный на непреодолимое желание выпить, подавляли логику здравого смысла. В короткой внутренней борьбе за явным преимуществом победу одержало желание. К тому же, вдвоём экспериментировать было не так боязно.

– Отбрось сомнения, любовь моя? – мягко, но настойчиво уговаривал он Маню. – Рецепт, поверь мне, простой и в тоже время надёжный как родословная английской королевы.

– Так-то оно так..., – подозрительно косясь на лстивого сожителя, продолжала упорствовать в своём заблуждении Маня.

Выпить ей хотелось нисколько не меньше, чем Василию Митрофановичу, но неизвестность пугала. Наслышавшись страшных историй об отравлениях, судорогах, потерях зрения и прочих подобных ужасах, довольно часто случавшихся с побирушками, нищими, бомжами и прочей подобной публикой, она жаждала хотя бы каких-нибудь, пусть даже самых минимальных гарантий того, что в этот раз её минует чаша сия.

– Не убедил, понимаю. Тебе нужны более веские аргументы, – сдался Нищета, судорожно выискивая в закоулках своего изошрённого по части всяких ухищрений и придумок мозга аргументы, способные переубедить испуганную женщину. – Чего только не сделаешь ради сохранения в семье хрупкого ростка доверия. Будь по-твоему. Открою тебе тайну происхождения этого изумительного по своим вкусовым качествам лечебного напитка. Ты не поверишь, но он добыт из местного целебного источника под названием магазин «Стройматериалы». А бьёт ключом конкретно в отделе «Бытовая химия». Уразумела? Не спорю, – торопливо продолжил он, заметив, что Маня с испугом отодвинула пузырёк на край стола, – в чём-то ты права. Для непосвящённых эта живительная влага закодирована как средство для обработки деревянных покрытий. Но обращаю твоё внимание на ключевые слова – спиртовой раствор! Вот в чём, собственно, и заключается главное его преимущество перед известными минеральными водами. Короче говоря, товар без обмана. Ёмкость – литр. Цена смешная, ниже рыночной сантиметров на двадцать, что в стоимостном выражении весьма существенно для нашего скромного семейного бюджета. А поскольку, как мне известно, ты не состоишь в обществе трезвости, я взял две. Доза терапевтическая и где-то даже лечебная. Так что можно смело принимать вовнутрь, даже если у тебя там нет ничего деревянного.

Маня, внимательно прослушав монолог, к своему величайшему огорчению, признала аргументы сожителя неубедительными. Но неумное желание выпить, охватившее каждый похмельный нейрон её мозга, росло в геометрической прогрессии, нивелируя остатки страха, и вскоре окончательно рассеяло сомнения. Решение было принято бесповоротное, пересмотру и корректировке не подлежало.

– Я такая слабохарактерная, меня так легко уговорить, – кокетливо заворковала она, скрываясь за дверью, ведущей в кухню.

Донесшиеся до слуха Нищеты возня и звон посуды возвестили о начале приготовления к трапезе. Прошло несколько томительных минут ожидания. Маня явно затягивала и усложняла привычную процедуру. Василий Митрофанович нетерпеливо барабанил пальцами по столу, выказывая крайнюю степень раздражения непростительно медленными действиями хозяйки. Наконец через семь минут тридцать секунд его терпение лопнуло.

– Какие у нас опять проблемы? – заорал он, злобно подпрыгивая на стуле. – Мы сегодня похмелимся или трезвость теперь у нас – норма жизни?

– Да иду уже, иду, не шуми, – отозвался из-за двери Манин певучий голос.

Вскоре и сама она возникла в дверном проёме, неся в правой руке миску, которую с большой натяжкой можно было классифицировать как эмалированную с несколькими картофелинами в мундирах, солёным огурцом и небольшим ломтиком хлеба. Другая рука, изуродованная полиартритом, придерживала пару грязных стаканов. Семена отёчными ногами с изяществом перекормленной утки, она пересекла комнату и, аккуратно расставив посуду на столе, присела на край стула.

– Совсем другое дело, – оживился Василий Митрофанович. – Ведь можешь же быть гостеприимной хозяйкой, если захочешь. Как шутили педагоги в дни моей школьной юности ты, у нас, Маня, способная, но ленивая. – Бережно положив руку женщине на плечо, он продолжил доверительным тоном. – Вспомни, разве мы когда-либо стремились к тому, чтобы наш стол ломился от изысканных яств и напитков. Нет! Всегда удовлетворялись тем немногим, что попадало под определение «выпивка и закуска», пусть даже с очень большой натяжкой. Что еще можем требовать от жизни мы – люди со столь скромными запросами? Наш непритязательный глаз и этим малым крохам рад. Даже от такого скудного натюрморта на душе теплее становится и уютнее. Праздник жизни чувствуется, – продолжал вещать он, степенно разливая жидкость по стаканам. – Глаз – алмаз. Всем поровну и как раз по поясок, названный в твою честь Марусиным, – установив стаканы рядом, констатировал он неоспоримый факт. – Присаживайся поскорее. Не будем нарушать добрых семейных традиций.

– Много не лей, – посоветовала Маня, проявляя свойственную женщинам осторожность. – Чёрт его знает, что химики в этом спирте развели. Им бы только нормальный продукт испоганить.

Нищета торжественно приподнялся, вытянув правую руку с зажатым в ней стаканом, и прокашлялся. Он обожал эти наполненные триумфом минуты, когда ораторский дар его был востребован и благодарная аудитория, представленная исключительно Маниным испитым лицом, безропотно и с явным одобрением внимала всему сказанному.

– Ну, Маня, дай Бог не последнюю, и не дай Бог последнюю. Всё-таки продукт неизвестной этиологии, не прошедший экспериментальную апробацию. Здесь ты, пожалуй, где-то даже права. Надо бы вначале напиток на простейших живых организмах испытать. Хотя бы на том же Петровиче из двенадцатой квартиры. Определить, так сказать, приемлемую дозу. Но сама знаешь – экономические и прочие трудности. А Петровичу что не дай, все проглотит, не подавится. У него желудок кафельный. С другой стороны, в отечестве нашем издавна так повелось, что плоды своих пионерских изысканий учёные-первооткрыватели всегда на себе испытывали. Так что давай, пей первая, любимая.

– А сам-то, чего лямку тянешь? – Маня, отставив стакан в сторону, подозрительно покосилась на Нищету.

– Видишь ли, дорогая, меня как исследователя и где-то даже экспериментатора, мучительно беспокоит один важнейший вопрос, связанный с адаптацией этого напитка к нашим организмам.

– Что-то я не поняла. Какой там ещё вопрос? – насторожилась Маня.

– Важнейший, Маня, вопрос. Мне хотелось бы путем проведения этого уникального эксперимента установить некий физиологический критерий...

– Ты не можешь с собачьего языка перейти на простой русский? – поинтересовалась Маня.

– Пожалуйста. Проще говоря, я хочу узнать, агония у тебя наступит сразу же после приёма напитка или ей будет предшествовать небольшой инкубационный период, – закончил прерванную мысль Василий Митрофанович.

Женщина, тревога которой нарастала с каждой секундой, пыталась вникнуть в смысл сказанного. Нищета, ухмыляясь растерянности подруги, поднёс стакан ко рту и не спеша его осушил.

– У-у-ух, – Нищета ударил пустым стаканом о стол и понюхал рукав. – Крепкая зараза. Ну, чего испугалась, глупая? Шутка это. Шучу я так.

– Шутит он. Шутник, – недовольно ворча, скривилась Маня.

Сделав длинный, как учили, выдох она тоже торопливо проглотила жидкость. Уронив стакан на стол, Маня, уподобившись лошади в стойле, долго трясла головой.

– И-и-и-х! – взвизгнула она. – Слезу вышибает.

Некоторое время собутыльники сидели молча, настороженно ожидая последствий опасного эксперимента.

– Ну, как, любимая, проглотила? – наконец поинтересовался Нищета, первым приходя в себя заметив, что Маня стала подавать первые признаки разумной жизни.

– Пошла, как к себе домой, – поделилась та первым впечатлением. – А у тебя?

– Прижилась вроде, – неуверенно ответил руководитель эксперимента, повторно разливая жидкость по стаканам. – Давай по второй для закрепления эффекта. Не зря нас учат в науучениях, что повторение – мать учения. Ты смотри, стихами заговорил. Надо же, как проняло.

Выпив, Нищета откинулся на не отличающуюся прочностью спинку стула, млея от удовольствия. Цель была достигнута. Исчезла противная дрожь в коленях. Приятное согревающее тело тепло медленно растекалось по сосудам, проникая в самые отдалённые уголки размякшей плоти. Хотелось говорить, полемизировать, спорить, доказывать, опровергать и не соглашаться. Одним словом, быть в центре внимания.

– Захорошело! Теперь требуется чуть-чуть расслабиться. Дадим организмам возможность усвоить нестандартный продукт, –ковыряя спичкой в зубах, томно мурлыкал он. – Ты обратила внимание, насколько напиток был легко принят организмом? А ты говоришь, пьём гадость.

Заметно опьяневшая Маня боролась с земным притяжением. Неуверенно раскачиваясь на стуле, она пыталась нетвёрдой рукой схватить вожака картофелину, но всё время промахивалась, вхолостую скребя заскорузлыми пальцами по столу. После нескольких неудачных попыток настойчивость её все же увенчалась успехом.

– Я не говорю, пьём, – демонстрируя чудеса женской логики, заметила она, хищно разглядывая добычу. – Пьют алкоголики, а мы так, выпиваем помаленьку. Разве что чуть-чуть, самую капельку для расслабления души. Продукт, правда, неизвестный, говорю.

Нищета, находящийся в стадии лёгкой эйфории, высокомерно ухмыльнулся. Окинув сидящую напротив женщину снисходительным взглядом маститого учёного, готового разгромить примитивную точку зрения желторотого оппонента, он глубокомысленно изрёк.

– И-мен-но! Непонятно, что пьём. А почему такой пассаж? Да разве в прежние времена кому-либо пришла бы в голову несуразная, нелепейшая мысль покупать в магазине стройматериалов спиртное для внутреннего употребления? Только полному идиоту, или для применения по прямому назначению, – назидательно подвёл он черту, придавая указательному пальцу вертикальное положение. – Нет! Все знали, это должен был быть или гастроном или что-нибудь в этом роде.

Маня, в продолжение монолога, кивала головой, то ли в знак согласия с общим концептуальным построением речи сожителя, то ли уравновешивая этим движением покачивания стула.

– Перестройка, чёрт бы её побрал, вместе с рыночной экономикой, – плохо двигающимся языком изложила она прогрессивный взгляд на актуальную проблему. – Я тебе, Вася, так скажу, этот прораб перестройки так всё углубил и расширил, что в магазинах ни черта не оказалось, кроме несъедобного консенсуса. Через это вот безобразие все катаклизмы и неприятности у нас и начались.

– Вот, – достигнув крайней степени возбуждения, всё больше и больше распался Нищета. – Вот, – стуча указательным пальцем о край стола, кричал он заплетающимся языком, – дошли, наконец, до сути проблемы. Они думают, мы пьём. Спивается, мол, нация. А мы мыслим, анализируем. Они думают, мы алкоголики, хроники конченные, – перегнувшись через стол, помотал указательным пальцем у Маниного носа. – Нет, господа, ещё не совсем на дне. Не дождётесь! Барахтаться барахтаемся, но пузыри пока не пускаем. Порадовать бессмертную душу многоградусным напитком – это понятно. Этого требует слабая, похотливая плоть, – немного успокоившись, продолжал он размышлять вслух. – А что просит душа? Чего она жаждет? Поговорить, рассмотреть какую-нибудь важную общечеловеческую проблему через многогранную призму стакана, – рассматривая сквозь мутный залапанный стакан сидящую напротив Маню. – Так какое же это, извините, отцы – демократы, пьянство, если параллельно идёт дискуссия? Обсуждение наболевших вопросов! Вот, к примеру, возьми и введи для нашего народа указ о том, чтобы пить разрешить, а полемизировать при этом, категорически запретить. Что будет?

– Что? – заинтриговано прошептала Маня, не веря, что такое вообще возможно.

– А вот что, – наставительно изрёк Нищета. – Ты когда-нибудь, видела, чтобы наш народ, собравшийся где-нибудь, когда-нибудь, по какому либо поводу пил молча? Если, конечно, это не слёт глухонемых?

– Не приходилось, пожалуй, – после непродолжительного раздумья призналась Маня. – Даже наоборот – всегда много шума от выпивших бывает. Гомонят под градусом, а как же иначе? Чем выше градус, тем громче речь.

– Вот именно! – удовлетворённо подвёл черту Василий Митрофанович. – Мы молча пить не привыкли. Заставь нас пить и молчать – великое множество трезвенников в нашем многонациональном отечестве образуется. А это уже садизм, не нужный ни государству, ни широкой прогрессивной общественности. Какой же напрашивается логический вывод?

– Какой? – эхом вторила окончательно опьяневшая Маня.

– А вот какой. Выпивка для нашего народа вопрос второстепенный, но обязательный. Я бы даже сказал так – это вспомогательный инструмент, используемый нами для более тесного, я бы сказал доверительного общения друг с другом. Главное же – это само общение. Контакт. Обмен мыслями, если, конечно, таковые имеются в наличии, закончил он, задумчиво глядя на Маню.

– Вот тут я не согласная, – икнула Маня. – Тут я возражу. Какие бывают мысли, если на столе пусто? Как общаться на голодный и трезвый желудок? Тут ты что-то того – загнул маленько.

– Твоя малограмотная реплика только подтверждает правоту моего философского мировоззрения, – снисходительно ухмыльнулся Нищета. – Как это не трудно, я всё же попытаюсь озвучить твою примитивную мысль нормальным литературным языком. Вот как надо грамотно построить фразу. Если индивидуум испытывает определённые финансовые затруднения, он не в состоянии удовлетворить свои первоочередные жизненные потребности. Правильно я перевёл? Да. Предложение построено правильно, но сама по себе мысль ошибочна. Уверю тебя, что путём анализа ситуации и общения с себе подобными сапиенсами решение проблемы рано или поздно, но обязательно будет найдено, – ударив кулаком по столу, закончил он.

– Уж больно заумно – обиделась Маня. – Много тумана и вообще непонятно. А что касемо грамотности, то ты знаешь, я и восемь-то классов с преогромным трудом одолела, спасибо учителям многострадальным. Сколько они через меня мук приняли. В сельскохозяйственных техниках, как некоторые, не училась.

– Техникум – это так, эпизод, вырванный из жизни, – небрежно отмахнулся Нищета. – А вообще-то образование у меня высшее.

– Откуда оно у тебя взялось высшее-то, – засомневалась Маня. – Мне-то хоть не наворачивай. Никогда высшего не было и вдруг на тебе. С неба упало. Ну, Вась, ты просто чудишь без гармошки.

– Здрасьте. А высшая школа верховой езды при городском ипподроме? – обиделся Василий Митрофанович. – Я, между прочим, имею диплом с отличием.

– Точно, точно, – развеселилась Маня. – Имени лошади товарища Будённого. Как же, как же, что-то такое припоминается. Смутно, правда. Но кажется мне, что ты и там заочно учился, а лошадей исключительно на картинках видел.

– Не ёрничай, женщина, – строго оборвал потерявшую чувство меры подругу Нищета. – Тебе с твоим ущемлённым интеллектом этих тонкостей не понять.

– Куда уж нам серым да рогатым, – продолжала обижаться Маня. – Вы уж меня извиняйте, Василий Митрофанович, что сижу в Вашем присутствии. Полиартрит, знаете ли, суставов. Ходовой механизм обездвижен недугом.

– Ну, ну. Давай без обид и грубых слов, – примирительно пророкотал Нищета. – Они режут мне слух. Да и расстраиваешься ты понапрасну. Пойми, не о том я речь веду. Возьмём вопрос, затронутый тобой выше. Пьем, говоришь, не то. За здоровье своё опасешься, сомневаешься в качестве продукта.

– Уже не сомневаюсь, если сразу не отравились, – продолжала грубить Маня, всё ещё сердясь на сожителя.

– Неважно. Вначале же были сомнения. И касались они качества напитка. – Качества, – произнёс он по слогам, пытаюсь втолковать женщине важность вопроса. – А проблема качества – глобальная, Маня, проблема. Мирового значения проблема. И на телевидении и в прессе по этому вопросу постоянно идёт широкая полемика и дискуссия, – что-то припомнив, он рассеянно осмотрелся по сторонам. – Где-то недавно совсем читал я в газете.... Где-то здесь...

Взгляд его упал на кучу мусора. Не без труда поднявшись, кряхтя и охая, побрел к куче и принялся тщательно рыться в ворохе скомканных газет. После долгих поисков, наконец, извлёк из кучи жёлтую, порванную в нескольких местах газету. Вернувшись на прежнее место, он обеими руками аккуратно разгладил находку на столе и, водя по строчкам пальцем, беззвучно зашевелил губами.

– Нашёл. Вот она, заметка эта. Интереснейшая, скажу я тебе, Маня, информация промелькнула в желтой прессе. Качеству продукции посвящается и разным там напиткам, которые реализует населению наша торговая сеть. Послушай, как кроет наши товары и продукты питания не совсем зависимый автор, – скребя пальцами волосатую грудь, стал он читать вслух: «Организмы наши настолько отравлены всякой дрянью: пестицидами, гербицидами и другими ядами, содержащимися в продуктах питания, реализуемых населению, что здоровье нации в последнее время сильно пошатнулось. Наука просто поражается тому факту, что мы всё ещё живы, как-то шевелимся и даже, сгоряча, затеяли перестройку». Ну, как тебе такие разоблачения посреди демократии? Да – а – а! В эпоху развитого социализма от такого острого критика и мокрого места не осталось бы за подобного рода откровения. А теперь пиши, что хочешь, и ничего тебе за это не будет. Теперь все смелые и храбрые, когда никто и ничто не угрожает. Впрочем, в отношении перестройки я, пожалуй, согласился бы с автором. Это точно симптом отравления. Можно не сомневаться. Да и всё остальное не признак отменного здоровья, – подвёл он неутешительный итог, вновь откидываясь на спинку стула. – Ты вспомни, Маня, огорчала ли тебя проблема качества продуктов на заре перестройки? – Нет, не огорчала, – так и не дождавшись ответа, после небольшой паузы продолжил он. – И меня не огорчала. Никого не огорчала, что самое интересное. В переходный, так сказать, период больше нажимали на количество. Давай, и как можно больше. Съедали все, подчистую, и любого качества. При прежних, конечно, ценах и зарплатах. Не было же ничего! Ни на витринах, ни в магазинах.

Только дай, брось в очередь хотя бы что-нибудь, похожее на пищу – всё разметут. Стадный инстинкт выживания. Зов желудка.

– Я и сейчас-то не сильно расстраиваюсь, – обреченно взмахнула рукой Маня.

– Понимаю, – ухмыльнулся Василий Митрофанович. – Тебя и сейчас ничего не огорчает. Ты и сейчас всё разметёшь, только дай. Ты, Маня, не в счёт. Ты – категория отдельная. Правильно люди говорят, что для таких экземпляров, как ты и тебе подобные, не существует понятие еда. Только закуска. Набить зоб плотнее и в спячку. Но есть же люди, желающие знать, что мы употребляем в пищу сегодня. Кому-то же хочется сохранить остатки здоровья, как ни странно.

– Уж не ты ли у нас такой гурман? – ехидно осведомилась Маня.

– Именно я. И не только я один проявляю озабоченность в этом вопросе. Приходилось мне слышать, что в Америке или где-нибудь в Европе таких проблем не встречается вообще. Оно и понятно: демократы что попало жрать не будут. Лейбористы, да и члены всех остальных их партий, кстати, тоже люди переборчивые. У них так не принято. Это, пожалуй, единственный вопрос, в котором всем забугорным политикам с различным мировоззрением удаётся находить полное взаимопонимание. Здесь их взгляды совпадают. Воспитание это или просто привычка такая, сразу не разобрать. Мы же, сколько себя помним, постоянно озабоченные строительством такого эфемерного сооружения как коммунизм, – продолжил он с сарказмом, – мы, совсем другое дело. Нас подобные мелкие вопросы всегда мало беспокоили и волновали. Нам, нищим романтикам, подавай глобальные проблемы или в худшем случае судьбоносные. А что оказалось на поверку? – пророкотал Василий Митрофанович, глыбой нависая над Маней и требовательно заглядывая ей в глаза.

– Что? – испуганно отодвинулась та от разъяренного сожителя.

– А вот, что. Оказалось, что этот массовый романтизм чем-то сродни несбыточной мечте импотента о публичном доме. Её, мечту эту, нельзя реализовать по понятным причинам. Хочется, а не может. Вспомни, что волновало страну в дни нашей молодости? Целина. Попёрли романтики в степь, разогнали сусликов да нанесли удар по овцеводству, подсократив казахам пастбища. Вот и все выдающиеся достижения в сельском хозяйстве. Или, например, придумали повернуть реки вспять. Это сколько же выпить надо, чтобы до такой гениальной идеи додуматься? Даже у хроников, страдающих белой горячкой, не настолько отважные идеи. А построить развитой социализм в отдельно взятой стране? Каково? Потом раздвинуть его до размеров лагеря. Социалистического или строгого режима. По обстоятельствам. Плохо, плохо, что всё это решалось кулуарно. Не советуясь с народом – нужно ему это, нет? С той же перестройкой как вышло? Собрались тихонько. Покумекали. Ну что, будем строить? Будем. Начали. Строят. Построили. Посмотрели, что-то не так. Где-то не срослось или срослось, но неправильно. Да и народ беспокоится. Нервничает. А как же иначе? То это исчезло с прилавков, то другое с витрин пропало. Конечно же, ропот. Опять же, волнения и недовольство кругом. Народ наш, к слову сказать, если сильно припрет, может слегка возмутиться и пошуметь. Письма в ЦК партии от активных граждан посыпались. Мол, что ты там, Генеральный секретарь, так перевозбудился. Успокойся, ради Бога. А, вместо судьбоносных решений, таблетки прими. Опять же, меньше вреда будет для народа.

Что делать? Надо как-то поправлять ситуацию. Снова собрались в своём политбюро. А кому там, собираться-то? Сплошной склероз. Не то, что головой думать, ногами еле шевелят. Снова напрягли остатки мысли. Стали соображать: «Что такое? Видно, промашку дали. Чего-то не досмотрели, впопыхах». Молодого пенсионера в свою компанию позвали. Свежую мысль с периферии привлекли: «Что скажешь, что посоветуешь, механизатор?» А тот, сгорая, не подумав – «надо перестраивать, пока не поздно». «Надо перестраивать – будем! Без проблем! А что и как? Разъясни». А тот им, без тени сомнения: «Да что там долго думать! Пристроим к тому, что имеем рыночную экономику, и посмотрим, какой из этого геморройного

скрещивания гибрид образуется». Вот это, Маня, по-нашему. Широко. С размахом. За границей так не умеют. Может быть, поэтому у них всё в порядке и без катастроф?

А у нас, где уж при таких великих делах и задумках качеством продукции заниматься. Вот и затерялись некоторые второстепенные вопросы среди судьбоносных, в том числе и этот. Ушли на второй план. Хорошо, что народ наш терпеливый и ко всему привычный. Удивительный, скажу я тебе, Маня, мы народ. Жизнестойкий. Остальные народы против нас недоразвитые какие-то. Умственные пигмеи. Скажу так: будь эти испорченные цивилизацией люди на нашем месте, вряд ли бы они выдержали такую напряжённую жизнь. Огорчились бы, растерялись, наверное. Стали бы пороть горячку – и конец их популяции. А мы нет. Нам с правительством бороться – не привыкать. У нас вся история в смутах и волнениях проходила, с короткими перерывами на отдых и восполнение потрепанного генофонда. И вновь возродилась нация, укрепляясь и мужая на каждом витке колеса истории. Это только в последние годы борьба стала тихой и ненавязчивой.

Вспоминаю, как-то в прежней молодой жизни довелось мне бесплатную лекцию посетить. Ты знаешь, Маня, лекции иногда очень толковые бывают и поучительные. Лектор рассказывал о тех далёких советских временах, когда он бывал за границей в составе различных делегаций по обмену социалистического опыта на капиталистический. Как ни странно, но столь неравноценный обмен всё же произошёл, только капиталисты этого ещё до конца не поняли. Так вот, там ему приходилось принимать участие в различных полемиках и дебатах, поскольку говорун был замечательный и мог переспорить кого угодно и по любому вопросу. В ходе острой полемики, тамошние политики задали нашему специалисту каверзный вопрос. Вы, говорят, народ умный, толковый. Композиторов, писателей, художников и другого талантливого народа среди вас такое великое множество, что, может быть, даже столько и не надо для нормального развития нации. Зачем же, спрашивается, вы таких руководителей выбираете, что потом сами же и недовольны? Или что-то в этом роде, но смысл такой. Как там лектор вышел из столь щекотливого положения не помню, но если бы меня спросили, я бы так ответил. А разве это мы их выбирали? Где-то, может быть, иностранцы, и выбирают себе руководителей, а наши – они сами как-то выбирались. Обходились без помощи народа. Это сегодня мы – электорат! Это сегодня делают вид, что с нами советуются по разным пустякам. А раньше ничего подобного и не предвиделось. Как-то так получалось, что они сами по себе существовали, а мы сами по себе. И пошло-поехало. Они закон, а мы его обходим справа, они второй, а мы его слева, – Нищета азартно продемонстрировал сказанное руками. – Они третий, а мы его и не замечаем вроде. Как будто нет его совсем, закона этого. Не знаю, как в других странах, а у нас так национальное самосознание формируется.

Вскочив, он в волнении закружил по квартире.

– Я тебе вот, что, Маня, скажу. Такого мы достигли в этом вопросе совершенства, такого прогресса. Все остальные народы перед нами всё равно, что голые перед одетыми в шубу. У нас зрение обострено до орлиного, нюх – до собачьего, слух – до соседского. А они, глупышки, ещё и стену развалили, и занавес железный, сгоряча, пустили на металлолом, не подумав хорошенько. Гостеприимность проявляют. Заходи, кто хочешь, бери, что хочешь. Радуются чему-то. Наверное, тому, что мы до коммунизма немного не дотянули. Хотят, видите ли, чтобы мы шустрее интегрировались в их экономику. Интересно, если всё-таки произойдёт этот несчастный случай с непредсказуемыми последствиями, и мы окончательно к ним интегрируемся, останется ли у них вообще какая-нибудь экономика? – засмеялся он своему предположению, хлопая в ладоши. – Представляешь, что это будет за совместное мероприятие? Мрак. Они напрягаются, схемы выхода из кризиса для нас нарабатывают, различные финансовые проекты строят. Думаю, напрасно они на какую-то перспективу надеются. Ведь об экономике мы только и знаем, что слово это не матерное, хотя и звучит неприятно. Политэкономия учили на политзанятиях, это было. А больше ничего нет и не предвидится в обозримом будущем. Так, что

зря они всё это затеяли. Ни к чему нам их видение жизни. Мы с места прыгать не мастаки. Славянской душе разгон нужен. Простор. А у них все по мензуркам разлито и в каплях посчитано. Нам такая мелочность ни к чему. Она нас унижает. Но раз финансовая помощь от них поступает регулярно и без задержек, приходится делать вид, что нам все понятно и мы со всем согласны. И они этому верят. Жаль мне их, Маня, доверчивых. Прямо до слёз жаль. Неужели и мы когда-нибудь такими же станем? Будем верить слову устному и печатному? – дурачась, перекрестился он. – Сохрани Господь нас от подобного безобразия.

Увлечшись монологом, Василий Митрофанович не заметил, как, тихо скрипнув, отворилась входная дверь и в комнату вошла женщина лет пятидесяти. Надежда, старшая сестра хозяина квартиры, живущая отдельно от брата, иногда навещала его, но жизнь, которую он вел, не одобряла. Вид у неё был утомлённый и болезненный. Оставив тяжёлую сумку у входа, она остановилась в дверях, иронически ухмыляясь услышанному монологу. Наконец, дождавшись очередной паузы, прервала тихим трескучим голосом.

– Снова пьёте? Где вы только её добываете, без копейки в кармане? Это из-за тебя он таким стал, – набросилась она с упрёками на протрезвевшую от страха Манию. – Совсем ты его с пути сбила, кикимора, алкоголичка чертова. Да и ты хорош, – перевела она взгляд на Василия Митрофановича, – с кем связался. И что ты только в ней нашёл? Нос-то, нос посмотри фиолетовый с синими прожилками. Дельту реки Волги напоминает. Морда вся морщинистая, как перепаханное колхозное поле. И зубов совсем нет. Где корешки остались, а где одни воспоминания.

Нищета, обернувшись на голос, тупо уставился на вошедшую женщину. Маня, боясь поднять глаза от стола, принялась молча ковырять пальцем кусочек полировки. Слушая монолог сестры, Василий Митрофанович непроизвольно, но с явным интересом сравнивал словесный портрет любимой женщины с присутствующим здесь же оригиналом.

– Да, где-то ты права, – наконец неохотно признал он. – Перед нами – печальные следы с трудом прожитых лет. Ну и что? Никто же не утверждает, что Леонардо да Винчи писал Мону Лизу именно с Мани. Я тебе больше скажу, она никогда не принимала участия в конкурсе красоты, несмотря на то, что звание «Мисс трущоб» выиграла бы без особого напряжения. С положительной стороны её, так же, характеризует и тот факт, что она никогда не состояла ни в одной из партий, не числилась в передовиках производства и вообще, вряд ли когда держала в руках что-либо тяжелее бутылки водки. Но пойми ты, сестрёнка, нравится мне этот партнёр по жизни. Да, не красавица – это очевидно. А никто твоих выводов по Мане и не оспаривает. Очевидно, что не фотомодель длинноногая. И возраст не нахальный. Сорок три годика. Внешний облик, как ты совершенно правильно заметила, соответствует жизненному кредо. Как говорится, что есть – того не отнять и, что самое скверное, не прибавить. Но в качестве боевой подруги она незаменима. Витает вокруг меня как спутник вокруг земного шара, попискивает о бытовых проблемах. Суету создаёт. Что же, и такая любовь случается, как ни странно. Не романтическая. Жизненная. Да и не понять тебе, – печально закончил он и, подойдя к сестре, вплотную принялся сверлить её тяжёлым колючим взглядом.

– Ты зачем пришла? – медленно чеканя каждое слово, спросил он. – Мораль нам читать? Не нравится, как мы живём?

– И это ты называешь жизнью? – возмутилась Надежда. – Вы не живете, а существуете. Таскаетесь по свалкам, собираете бутылки и всякий хлам. Конкурируете с бродячими кошками и собаками. Сами, уже бродячими стали. Посмотрите, что за гадость вы едите и пьёте?

– Ах, извините, извините, – юродствовал Нищета кланяясь. – Вас шокирует наш стол. Да, не деликатесы. Имеем то, что имеем. Как говорится, живём по средствам и в чужой карман не заглядываем. А средств, – разводит руками, – не густо. Что же нам, сырым, делать, если государственные структуры дали слабину в смысле контроля качества продуктов питания. Сегодня каждому из нас, чтобы выжить, приходится становиться экспертами – специалистами

по выпивке и закуске. Всякое случается в жизни. Да, мы можем употребить и не совсем доброкачественный продукт. Но об этом пусть беспокоятся те, у кого организм не сильно выдающийся, в смысле здоровья. Слабенький, как марлевые трусики. А у нас, слава Богу, печень без признаков цирроза, желудок – доменная печь и мочевого пузырь, – беря в руки пузырёк и внимательно разглядывая его, констатирует он очевидный факт, – пока справляется с поставленными перед ним, я бы сказал, архисложными задачами. Мы ещё можем позволить себе, иногда, немного расслабиться. Пять – шесть отравлений для нас – чепуха. Это не болезнь, а так, небольшое недомогание, в то время, как для других прямая дорога к инвалидности.

– Что-что, а логично излагать мысли ты ещё не разучился, – презрительно глядя на брата, – процедила сквозь зубы Надежда. – Не весь ум пропил. Пока. Иногда даже думаешь, что имеешь дело с интеллигентным человеком. Но это в том случае, если тебя не видеть, а только слышать. А посмотришь – свинья свиньёй. Полная неразборчивость ни в еде, ни в питье, ни в чём. Вот, например, что вы сейчас лакаете?

– Тебя интересует, что мы пьём сейчас конкретно? – полюбопытствовал Нищета с напускным смирением. – В данный конкретный отрезок времени? Хочешь оценить букет? Извини, но о твоём визите заранее предупреждены не были, так что на посторонних не рассчитывали.

Надежда, стремительно и неожиданно для хозяев протянув руку, схватила ближайший к ней пузырёк.

– Стыдно признаться? Сохранились кое-какие крохи совести? Что это за голубая дрянь? Нищета мягко отобрал ёмкость.

– Горячишься, сестричка, нервничаешь, – поглаживая женщину по плечу, доверительным тоном проворковал он. – Всё тебе в мрачных тонах видится. А ты остановись, оглянись вокруг себя. Задумайся, – патетически воскликнул он, с мольбой протягивая к сестре руки. – Задай себе вопрос, в какое время нам всем жить приходится? Да и какова она, жизнь эта? В процессе перестройки находимся, а это все равно, что капитальный ремонт в квартире. Никто толком не знает, как и с чего начать, и что куда лепить. А экспертов вокруг – тучи. И все советы советуют. Это туда поставь, это сюда прищпандорь. Поставишь, прищпандоришь. Такое получается – без слез смотреть невозможно на это уродство. Так как же должен чувствовать себя заложник перестройки? Ещё не ребёнок, но уже не эмбрион. Полный базар и неразбериха кругом. Хаос, из которого ещё не скоро образуется какая-либо цивилизованная система, – страдал Нищета, нежно прильнув к плечу Надежды. – А в чём причина? Не знаешь? Я тут на днях анализировал. Не поверишь, страна так шустро рванула в сторону демократии и рыночной экономики, если, конечно, направление не перепутала, что основная масса народа зазевалась. Не сориентировалась по ходу движения колеса истории. Расслабились люди в неподходящий момент. И вот результат. Конечно, не всем так крупно не повезло. Кое-кто успел за страной. Некоторые даже очень неплохо успели, поверь мне. А по слухам встречались и такие шустрые экземпляры, за которыми и страна-то не поспела. Пока то да се, смотришь, а они уже в другой стране. Но основная масса до сих пор болтается где-то в переходном периоде. Нам вот, с Маней, тоже не повезло. Мы остались с ущербным большинством.

– Что-то не пойму я, к чему ты клонишь? – окинула недоверчивым взглядом брата Надежда.

– А вот к чему. Ситуация на данный исторический отрезок времени образовалась настолько острая, что даже такая простая проблема, как выпить-закусить по напряжённости замысла и сложности исполнения можно сравнить с покорением космоса на воздушном шаре. А привычка-то осталась. Правильно я говорю, – обернулся он к Мане.

Та, не поднимая глаз от стола, усиленно закивала головой, соглашаясь.

– Условный рефлекс имени старика Павлова уберёгся, несмотря ни на что, – продолжил Нищета, ободрённый поддержкой. – Я уже не говорю об организме в целом. Каждая клетка воет. Брось в рот хоть что-нибудь, – взгляд его задержался на пузырьках, – и дай запить, чем-

нибудь покрепче. Причём, сволочь такая, не считается с экономическими трудностями и политической ситуацией в стране. Скандал! Организму глубоко безразлично, что нет. Что обстановка не соответствует. Природа желудка и прочих органов внутреннего сгорания пищи не терпит компромиссов, – вытирая потный лоб тыльной стороной ладони, трагически простонал он. – Вот и крутишься как заколдованный дурачок из русской народной сказки. Из той лужицы попьешь – козлом станешь, из другой – в осла превратишься, а вообще пить не будешь – единственным бараном в этом большом стаде останешься. А как же не пить, когда все пьют? Лужица маленькая. Раздумывать да прикидывать особенно некогда. Оттеснят. Не пустят. Вокруг одни хищники.

– Ты не ответил на мой вопрос, – невежливо перебила Надежда, проявляя настойчивость и не принимая аргументы брата. – Ты можешь чётко и ясно пояснить, что вы сейчас пьёте?

– Какая же ты всё-таки настырная, – Нищета в раздражении поморщился, отодвинув пузырьки на безопасное расстояние. – И всё тебе надо знать. Всё надо оценить и вымерять своими мерками. Я же тебе уже битый час толкую простые вещи, пытаюсь прояснить ситуацию. Видишь ли, дело в том, что передовая наука в последние годы совершила такой гигантский скачок в вопросах производства искусственных напитков и продуктов питания, такой в этом направлении бешеный прогресс наблюдается, что природа человеческого организма едва успевает за её семимильными шагами. Иногда, прямо затруднительно бывает сообразить – можно этот продукт в рот класть или не рекомендуется Минздравом? Я уже не говорю глотать. Так сказать, пускать пищу по длинному коридору. Это в самом крайнем случае, когда нет другого выхода. Вот мы с Маней и экспериментируем в этом перспективном направлении. Вносим свою посильную лепту в прикладную науку. Прикладываем всё, что нам кажется съедобным к своему организму, и таким образом пытаемся устранить нестыковки между этим самым организмом и передовыми открытиями отечественных и зарубежных учёных. Сейчас вот, осваиваем многофункциональный напиток, который в то же время можно использовать и как средство для обработки деревянных покрытий. Так складывается ситуация, что всё идёт к унификации продукции и к приданию ей многоцелевых функций...

– Ясно, – с настойчивостью молотка, вбивающего гвоздь в доску, резюмировала Надежда. – Денег, как я понимаю, уже не хватает даже на самое дешёвое человеческое пойло. Господи, ну разве уж так обязательно пить?

– Видишь ли, дорогая, – скромно потупил глаза Нищета, – дело в том, что по складу ума я холодный философ и, вероятно, исключительно только по этой причине нуждаюсь в постоянном подогреве.

– Да-а-а, – обречённо махнула рукой Надежда. – Как говорится, финиш уже виден.

– Ну, зачем так мрачно, – голос Василия Митрофановича звучал смиренно. – Абсолютно никакого повода для пессимизма.

– У тебя же было всё, чтобы стать нормальным человеком, – с горечью в голосе продолжила Надежда. – Неплохая специальность, престижная работа. А ты кем стал? Человеком, отверженным обществом.

– Отверженным, говоришь? – криво ухмыльнулся Нищета, теряя терпение. – А может быть невостребованным? А ты вообще задумывалась над тем, кто вообще этому обществу нужен, и что это за общество такое образовалось? – утвердительно, словно лишний раз, убеждаясь в собственной правоте, тряс он головой. – Сейчас никто никому не нужен. В прежние-то времена всеобщего равенства шагу ступить не давали. Чуть, что не так, то на комсомольском собрании пропесочат, то на партийном или профсоюзном нагоняй дадут. На поруки возьмут, перевоспитывать станут, если не совсем в ногу идёшь. А что сегодня? Каждый сам по себе. Посмотри, что делается. Зарплату людям выдают реже, чем Нобелевскую премию лауреатам. Если ты не забыла политэкономия, то должна помнить, что каждый труд должен быть непременно оплачен. Теперь конкретно о тебе, критик Белинский. У тебя, помнится мне, специ-

альность химик-технолог. А ты кем трудишься на пользу общества? Реализатор на рынке. «Спасибо за покупку. Приходите ещё», – кривлялся он. – Химики-технологи нынче не востребованы. Господи! Что это за профессия-то такая – «реализатор»? Не продавец, не работник прилавка. Сейчас не поймешь, кто кем работает. Дилеры, киллеры, брокеры. С ума можно сойти.

– Бесплезно. Бесплезно и ненужно, – устало сказала Надежда. – Тебя уже из этой пропасти не вытащить. Спасти можно того, кто хочет быть спасённым. А ты не хочешь. Пожалуй, я напрасно трачу на тебя время и нервы.

Она медленно повернулась и тяжело ступая, направилась к выходу. У двери, наклонившись, подняла сумку и вышла из квартиры. После ухода Надежды возникла неприятная пауза. Нищета, потупив взгляд, нервно барабанил пальцами по столу, что свидетельствовало о сильном раздражении.

– Ушла, слава Богу. На этот раз, кажись, пронесло, – выдохнула с облегчением Маня. – Боюсь я её, Вась, как я её боюсь! Чего она к нам пристала-то? Что мы ей? Живём тихо, никого не тревожим.

– Она вся в мамашу покойную, – грустно промолвил Нищета, не отводя отсутствующего взгляда от входной двери. – Говорит в ней и обида, и злость на себя да на жизнь свою нескладную. Ведь ни мужа, ни детей. Жизнь не сложилась. Жалко мне её. Неустроенная она какая-то не приспособленная. Слишком, Маня, правильные у нас с нею были родители. Воспитывали, как в песне поётся: «Раньше думай о Родине, а потом о себе...». Так-то. О себе подумать как раз и не получилось.

– А кто нынче приспособленный-то? – сердито сопя, возразила Маня. – Те, которые к кормушке поближе подобраться смогли. А корма на всех не хватает. Мало его, корма-то. Какие-то крохи перепадает, вот и всё пропитание. Живут же в других странах люди. И почему-то всем всего хватает. И одежды, и жратвы. Ещё и наших дармоедов, сколько туда понаехало. Тьма-тьмушая. И всё равно – изобилие.

– Тут, Маня, вопрос намного серьёзнее, чем тебе видится. Много я над этим феноменом размышлял. И знаешь, не перестаю удивляться, почему именно нашему многонациональному народу так «повезло»? Почему именно нас семьдесят лет изо дня в день, не жалея сил и эфирного времени, убеждали в том, как хорошо мы живём и в каком нужном направлении развиваемся? С какого перепуга мы оказались крайними. Почему провидение не остановило свой взор на каких-нибудь других народах? Датчанах, бельгийцах, австрийцах, на худой конец? Господи, – с мольбой поднимая руки к потолку, возопил он, – что же ты на нас-то всё время экспериментируешь. Чем мы тебя так прогневали? За какие грехи испытания посылаешь? Наверное, те народы труднее убедить не верить глазам своим. А нас запросто. Убедили настолько качественно, что подавляющая масса наших сограждан жила и умирала в полной уверенности, как сильно им со страной повезло. И что же мы, доверчивые дети своей страны, имеем сегодня, так сказать, в качестве заслуженной награды? Мы ничего. Как не имели, так и не имеем. Даже страны, что одна на всех была и той уже не имеем, – принимая первоначальную позу, констатировал он очевидный факт.

– Нет, Вась, не гневи Бога. Какая-то всё-таки страна осталась, – рассудительно возразила Маня. – Не спорю, отсекали прилично. Много отрезали, но живём-то мы не где-нибудь, а в государстве. В жизни не поверю, что наше родное государство таких вот убогих, как мы, под забором помирать оставит. Пользы от нас, может быть, и немного, я согласна, но ведь мы свои, родные.

– А я разве говорю, что оно нас, детей своих, оставит один на один с трудностями и без поддержки. Нет! Оно непременно протянет руку помощи. Только, видишь ли, в чём вся беда, – продолжил Нищета грустно, – государство наше – это как семья. Если оно богатое, хватает всем и любимым детям, и нелюбимым, и даже приёмным. А если хронически не хватает средств,

тут уж извини. С нелюбимыми да приёмными никто особо церемониться не станет. Не до них. А кто у нас нелюбимые да приемные? Учителя, врачи и приравненные к ним. Вот на них-то, да еще на нас с тобой, у бедного государства денег и не выкристаллизовывается. Потому, если всю государственную помощь принять за сто процентов, – он провел указательным пальцем правой руки по вытянутой левой, от плеча до кисти, – то, учитывая финансовые затруднения, на которых я остановился выше, нам останется лишь пятьдесят процентов, – согнул он руку в локте.

– Что-то мне это напоминает, – в раздумье произнесла Маня, наблюдая за сгибающейся и разгибающейся рукой сожителя. – Что-то знакомое. Это все, что мы получим? Пятьдесят процентов от ничего?

– Где-то в пределах этого плюс-минус один процент.

– Да что же это ты такое говоришь? – обиделась Маня. – Да неужели хуже нас на земле никого и нет? Неужели мы самые распоследние на этом круглом шарике? Нет. Это в тебе злоба кипит.

– Не обо мне речь. Система, Маня, не любит потрясений. А государство – это система. Сложно организованная система отношений, которую нельзя трясти, как грушу. Порвёшь одну цепочку, вторую.... Вроде бы и незаметно, а проходит время, и на собственной шкуре начинаешь ощущать, что и то не так, и это наперекосяк. Беда наша в том, что живём мы не так, как все цивилизованные страны. И развиваемся не плавно и последовательно, а скачками да рывками. Слишком много наша земля рождает революционеров и новаторов. А им ждать невтерпеж. Свербит у них в одном месте. Все им кажется, что и то не так устроено, и это не так быть должно. Каких-то перемен жаждают, а каких и сами не знают по слабости ума и суетливости характера. Вот возьмём, к примеру, тех же большевиков. К чему они в своё время призывали? Из феодализма прямиком в социализм. Станцию «капитализм» их паровоз пролетел не останавливаясь. В коммуне у них была остановка запланирована. А чем всё закончилось? Только-только движение революционного паровоза замедлилось, застопорилось, сразу же эти принудительно прицепленные вагоны оторвались и покатались назад к себе домой. Туда, откуда их взяли. А почему? Да потому, что там, по крайней мере, всё понятно. Свои традиции, свой уклад жизни. Всё своё, а не навязанное со стороны разными советчиками да реформаторами.

– Нет, не скажи, Вась. Была же всё-таки дружба народов. Какая-никакая, а была. Я вот помню, фильм смотрела. «Свинарка и пастух» называется. Изумительная в этой картине любовь показывается, вспыхнувшая между нашей русской свинаркой и их кавказским пастухом. Мечта, а не любовь. А ты говоришь «принудительно прицепленные».

– Любовь и сосуществование, Маня, это не одно и то же. Я вот пример приведу, а ты сама скажешь, реальна ли такая ситуация в жизни. Представь себе на минуту, что в огромную коммунальную квартиру в каждую комнату поселили по одной семье из всех бывших социалистических республик. Представляешь. В одной комнате русская семья проживает, в другой белорусы ютятся и так далее: украинцы, прибалтийцы, кавказские семьи, молдаване, узбеки, казахи, туркмены. Короче все. А правила социалистического общежития одни на всех прописаны.

– Про правила в общежитии не знаю, но туалет и ванная одна на всех будет это точно. Жили, знаем, – продемонстрировала Маня знакомство с вопросом.

– Этот факт тоже не будет способствовать улучшению межнациональных отношений. А теперь вопрос, как говорят «что – где – когдашники». Сколько времени в сутки участковый инспектор будет проводить в этой квартире, разбирая конфликты и составляя акты о правонарушениях?

– Да ему там пункт общественного правопорядка открывать надо, – развеселилась Маня, представив картину совместного проживания многонациональной семьи. – Да и не справиться ему одному с такой разношерстной толпой.

– Вот именно, – поощрил сожительницу Нищета. – Умница, правильно мыслишь. Пойдём дальше. Возьмём, к примеру, хотя бы такой изумительный фокус, как пятилетку в четыре года, а? Планировали на пять лет, а потом выяснилось, что столько ждать некогда. Куда спешили? Весь социализм проскочили по ускоренному графику и отрапортовали. Потому что главное отрапортовать вовремя. И что самое смешное – рапортовали-то сами себе. Мол, всё в порядке, только на год раньше. Сами не понимали, что делали. Короче, плыли-плыли, приплыли, а там ничего. Имеем то, что имеем, а вернее не имеем ничего. Вот, Маня, за что я не люблю энтузиастов и реформаторов. Из-за них все катаклизмы.... Из-за этих холериков, которым тихо не сидится. Кроме вреда, нет от них никакой пользы. Это они главные нарушители спокойствия. Всё разумное и неразумное в этой жизни стремится к покою. Даже маятник, Маня, маятник от самых простых ходиков с кукушкой, если его очень сильно раскачать, он всё равно когда-нибудь остановится. Успокоится. Всё в природе должно подчиняться законам гармонии. Эх, была бы моя воля, собрал бы я всех этих революционеров на каком-нибудь отдалённом пустынном острове, подальше от нормальных людей. Пусть бы они там камни с места на место перекладывали да проекты безумные строили. И пусть там вулкан каждый квартал извергается, страху нагоняет. Чтобы понимали и принимали закономерный ход колеса истории и тишину ценить научились, горлохваты. А-а-ай, да пропади оно всё пропадом, – в сердцах бросил он, разливая содержимое второго пузырька в стаканы. – От нас с тобой всё равно ничего не зависит, так что давай лучше выпьем. Ну, что, Маня, за демократический выбор?

– Это как? – не поняла Маня. – Третья же за любовь пьется.

– Не совсем так с точки зрения соблюдения интересов всех граждан. Кто еще может – пьет за любовь, а кто не может – пьет уже за здоровье.

– Закуси и успокойся, – посоветовала Маня сожителю, ломая огурец и отдавая половину Нищете. – Чего понапрасну волну гнать. Сам же говоришь, что всё равно будет так, как есть, а не так, как нам с тобой хочется. Вечно ты огорчаешься, когда на политику сворачиваешь. У нас, конечно, житьё не ахти какое, но и твои цивилизованные страны, я думаю, не сразу такими умными стали. Тоже, наверное, помучились, пока правильно жизнь понимать стали?

– Были и у них периоды мракобесия, не спорю, – легко согласился Василий Митрофанович. – Правда, в прежние времена в этих странах правители больше своему народу внимания уделяли. Возьмём ту же Турцию. Если какой-нибудь недисциплинированный турецкий гражданин закон нарушал или ещё что-то не так, как надо делал, сразу же следовал воспитательный момент. Будь любезен, снимай штаны и садись на кол или клади голову на плаху. Выбор был. Вот откуда ростки демократии пошли. А остальной турецкий народ смотрит на этот показательный процесс и выводы для себя делает неутешительные, но правильные. То ли с одной стороны лишнее уберут, это я насчет головы, то ли с другой стороны лишнее вставят, это я в отношении кола, а ущерб для организма практически одинаковый будет, – разъяснил он, не улавливающей сути проблемы, Мане. – Или взять ту же средневековую Европу. Там, бывало, лишний раз подумаешь, прежде чем станешь мысли словами выражать. Особенно, если тебя окружают незнакомые люди с добрыми отзывчивыми лицами.

– Эка невидаль. У нас тоже стукачей всегда с избытком хватало, – небрежно заметила Маня.

– Стукачи – дело эволюционное. Во все века встречались люди, которым было чем поделиться с властью в отношении более успешных соседей, знакомых и даже друзей и родственников. Но кто на них сегодня обращает внимания, если нет специального интереса или заказа? А в средние века в Европе лишние разговоры и смутные рассуждения не приветствовались ни законом, ни властью. Тот же случай с Галилео Галилеем возьмём. Крупный был учёный в области астрономии. А может быть, хобби у него такое было за звездами наблюдать да выводы всякие делать по итогам этих самых наблюдений. Столько времени с тех пор прошло, сейчас до истины не докопаешься. И до того он увлекся этим своим небесным делом, что обнаружил

беспорный физический факт – земля круглая и всё время вертится. Он возьми и ляпни это в кругу своих близких, как он наивно полагал, друзей. А официальная версия совсем другая была. Более красивая, романтическая. Земля, вокруг океан. Все это сооружение закреплено на трех китах или черепахах... Замечательная версия, которая всех устраивала. Всех, кроме вышеупомянутого интригана Галилео Галилея. Ну, что ему до того, что вокруг чего вертится. Вот и получилось, что через эту его наблюдательность возникли проблемы, несовместимые с жизнью ученого. Церковные власти взяли почтенного астронома в такой оборот, что дело запахло костром. Хорошо, что Галилей был человеком всесторонне образованным и сумел убедить священный синод, что вертелась то земля с похмелья, как у каждого выпившего человека на утро. А то гореть бы ему ясным пламенем, как выпало другому астроному Джордано Бруно, который к его несчастью был непьющим.

– Боже сохрани нас от такой цивилизации – на колу сидеть или в костре тлеть, – испуганно перекрестилась Маня. – Нет, нам это не подходит. У нас, понимаешь, народ добрый и понятливый. У нас такой народ, с которым говорить надо, беседовать. Разъяснять, что и как. Тогда мы поймём, что к чему и будем жить друг с дружкой в мире и согласии.

– Нет, не будем, – после некоторого раздумья уверенно произнёс Нищета. – Просто не сможем. Устали мы, Маня, и это усталость не одного индивидуума. Это усталость поколений. Как бы тебе, Маня, проще объяснить основы формирования отношений в развитом европейском государстве? Представь отару овец, мирно пасущуюся на их заливных альпийских лугах. Пасутся они, и заметь, жиреют исключительно для собственного удовольствия. И что характерно для их демократии, вокруг никаких тебе хищников. Или, предположим, есть что-нибудь такое, но оно заинтересовано в побочных продуктах жизнедеятельности отары – шерсти, сыре... Другими словами, только в побочных продуктах питания. И при этом, заметь, не пожирают самих овец. Или пожирают, но цивилизованно, без ущерба для самой отары. Это, будем говорить, их демократия. Теперь объясняю, как это делается у нас. Хочу отметить, что терминологию я использую одну и ту же. Я имею в виду такие понятия, как «демократия», «принципы равных возможностей», «защита прав человека» и т. д. Картина та же – овцы и трава, но имеется несколько незначительных нюансов. Во-первых, трава не настолько сочная, как в предыдущем варианте, а, следовательно, и овцы не тех весовых кондиций. Тощие, прямо скажем, овцы. Спартанцы. Во-вторых, даже вокруг этой хилой отары постоянно кружится стая голодных хищников. Так сложилось, что это единственный источник их пропитания, что, конечно же, негативно сказывается на поголовье. Что делать бедным овечкам, чтобы сохранить популяцию? Один из вариантов – отару может возглавить козёл. Такие факты науке известны. Он как руководитель коллектива более организован.... В состоянии сплотить отару и сократить потери личного состава. Но они всё-таки будут иметь место. Есть второй вариант. Это пастухи и собаки.... Но они, также как и волки, питаются мясом. Выбор, как видишь, небольшой.

– Тебя послушать – жить не хочется, – загрустила Маня. – Давай сменим пластинку. Поговорим о чём-нибудь не таком мерзком. Я тебе сейчас расскажу фактик, обхохочешься. Приходилось видеть нашего нового соседа из третьей квартиры?

– Я к соседям не присматриваюсь, – угрюмо проворчал Нищета. – На кой чёрт они мне, соседи эти?

– Этого-то ты должен был заметить, – настаивала Маня. – Молодой такой, симпатичный. Серьга в ухе у него торчит. Ей-богу баба, а не мужик.

– Ну и что здесь весёлого?

– Мне Петровна рассказала, – продолжила с таинственным видом Маня, подмигивая, – что этот молодой симпатичный сукин сын абсолютно равнодушен к дамскому полу. Больше предпочитает с мужиками общаться. Уловил?

– Тоже мне, Америку открыла, – с обидным равнодушием проронил Нищета. – Это голубой. Он же гомосексуалист, он же очковтиратель. Таких переориентированных сейчас пруд-пруди. Это не новость. Это сегодня одна из немногочисленных примет демократических преобразований.

– Как пруд-пруди? – возмутилась Маня. – Куда же мы идём? Ведь при таких делах процент рождаемости детей до невозможности упасть может. Ниже всякой критической отметки.

– Я, как проводник демократических принципов во всём, – весело приосанился Василий Митрофанович, – не могу согласиться с такой однобокой трактовкой проблемы. Это, Маня, необъективный взгляд с точки зрения логики слабого пола. Тут явно прослеживаются меркантильные интересы прекрасной половины человечества. Сексуальный рэкет. А вообще-то положи руку на сердце, я тебе так скажу: сексуальная ориентация – это личное дело самого ориентируемого. Лишь бы человек калекой не был. Было бы с чем ориентироваться, всё остальное – вопрос вкуса. А вообще-то, женщины сами виновны в том, что такая пикантная ситуация сложилась.

– Надо же до чего договорился, – возмутилась Маня. – В чём же это мы виноваты?

– Ну как же? – Нищета снисходительно смотрел на разбушевавшуюся подругу. – Кто добивался равноправия? Кто долдонил с утра до вечера об уравнивании прав женщин и мужчин? Имеем закономерный результат. Сегодня мы так же легко можем встретить мужчину с серьгой в ухе или губе, как и женщину с кайлом и ломом на ремонтных работах где-нибудь на железнодорожных рельсах.

– Вась, ты что, серьёзно? – испугалась Маня.

– Какие уж здесь шутки? – строго оборвал её Василий Митрофанович. – Вопрос-то, сама видишь, назрел. Перезрел даже.

За окном темнело. День заканчивался.

– Темнеет, – заметила Маня зевая. – Вот и ещё один денёк закончился. И, слава Богу, неплохо.

– Пора на боковую.

Нищета, кряхтя и охая, устроился на диване. Маня побрела к кровати, и вскоре из дальнего угла донесся скрип металлической сетки.

Ну что, спокойной ночи, что ли? – донёсся до Нищеты её сонный голос.

– Спи, не разговаривай, – повернувшись на другой бок, пробормотал Нищета засыпая.

Глава вторая

Утро следующего дня выдалось ясным. По комнате весело сновали озорные солнечные зайчики, время от времени запрыгивая на лицо Василия Митрофановича, беспокойно ворочавшегося на диване. Самый нахальный прочно разместился на переносице, беспокоя спящего. Мужчина, часто моргая редкими ресницами, открыл глаза, но ослеплённый ярким светом тут же, плотно сомкнул веки. Спать уже не хотелось. Усевшись на край дивана, Нищета принялся тупо обозревать грязный пол, прогоняя остатки сна. Осторожно нащупав рукою полиэтиленовую бутылку, поднёс горлышко к пересохшим губам и долго пил жадными глотками, проливая воду на пол. Хотелось курить. Немного помедлив, извлёк из кармана лежащих на полу брюк окурочек сигареты и закурил, блаженно откинувшись на спинку дивана. За время сна с Нищетой произошла странная метаморфоза. Заснув накануне вечером представителем широко распространённой на земном шаре европейской расы, Василий Митрофанович проснулся, имея кожу прекрасного кобальтового цвета. Он покосился на старые настенные ходики, единственный механизм, еще работающий в этой квартире.

– Девять часов! Сон крепкий, как в дни трезвой молодости. Что происходит с организмом? – пробормотал он, пытаясь подняться с дивана и не замечая произошедших с ним перемен.

Как ни странно, но настроение с утра было приподнятое. Такое ощущение, будто лет двадцать сбросил. Голова не пухла с похмелья и пальцы рук противно не дрожали впервые за столько лет.

– Маня, где ты там? – позвал он. – Пробудись красавица от сна глубокого, разомкни уста сахарные, перегарные да поведай господину своему, чего это мы там с тобой вчера принимали внутрь организма. Не бальзам Биттнера случайно? – Ответа не последовало. – Спит, как убитая.

Медленно, слегка прихрамывая, он побрёл к кровати и склонился над спящей женщиной. Маня, синяя как баклажан, лежала на боку, не подавая признаков жизни. Не в состоянии оторвать наполненного ужасом взгляда от трупа, Василий Митрофанович со стоном отстранился, в панике пятясь вглубь комнаты.

– Боже мой! Умерла. Ночью умерла. Вся синяя. Отравились, – тонко заплакал он, отрешённо опускаясь на стул. – Ядовитая оказалась гадость. Подожди, подожди, почему же я жив в таком разе? Я-то жив пока. Вот именно пока. Выпили-то одинаково. Видимо, женский организм слабее. Господи, как я теперь один жить-то буду?

Разбуженная причитаниями Нищеты, Маня беспокойно заворочалась на кровати. Пробормотав нечто нечленораздельное и смачно шлепнув губами, она перевернулась на другой бок и вновь заснула. Нищета с выпученными от страха глазами бросился к спасительной двери, опрокинув стул. Проявив завидную резвость для человека, пребывающего в состоянии похмелья, он в считанные секунды оказался у входной двери. Маня, окончательно пробудившаяся от грохота, в испуге вскочив с кровати, замерла, мало что соображая спросонья. Василий Митрофанович, прижавшись спиной к стене, не сводил испуганного взгляда с воскресшей сожительницы.

– Боже мой, живая, – прошептал он осипшим от страха голосом. – Уже синяя, но ещё живая. И шевелится. Живой труп. Померещится же такая чертовщина. Надо успокоиться. Вся эта мерзость мне просто мерещится. Галлюцинации. Пойду поплескаюсь под умывальником, смою похмельный синдром и все эти разноцветные видения живительной струей, – бормотал он, исчезая за дверью.

Спустя некоторое время в дверном проёме вновь возникло его озабоченное синее лицо. Стараясь не обнаружить себя, он внимательно рассматривал женщину через приоткрытую

дверь. Маня пребывала в прежних тонах. Она постепенно приходила в себя и успокаивалась. Наконец, её блуждающий взгляд натолкнулся на ужасную синюю рожу за полуоткрытой дверью, которая следила за ней. Испуганно вскрикнув, женщина прикрыла лицо рукой, не в силах отвести взгляд от страшно вращающего белками глаз незнакомца. Нищета, осмелев, вернулся в комнату и осторожно работая левой ногой словно миноискателем, попытался приблизиться к монстру, еще недавно бывшему его супругой. Вытянув вперед руку, как это делают борцы или боксеры, он осторожно приблизился к противнику.

– Не баба, а вампир, – покрылся холодным потом Василий Митрофанович, вспомнив ужастики, виденные по телевизору.

Воображение работало на испуг. Он содрогнулся всем телом, представив Маню, впивающуюся клыками в его горло и высасывающую из бездыханного тела кровь.

– От неё чего угодно ожидать можно, – бормотал он, с опаской поглядывая на женщину. – Знает ведь, зараза, что у меня в крови больше водки, чем эритроцитов. А она к этому напитку ещё при жизни неравнодушна была.

Маня, стуча зубами, в страхе пятилась к стене. Дальше отступать было некуда. Василий Митрофанович, подойдя вплотную, осторожно протянул руку, пытаясь прикоснуться к синей щеке. Вздвигнув, Маня, попыталась укусить посягнувшую на нее руку. Беззубая челюсть хлопнула в миллиметре от указательного пальца исследователя аномального явления. Клыков в пасти – свидетельства вампирской сущности преобразившейся Мани, Василий Митрофанович не обнаружил, и этот факт его окончательно успокоил. Повторная попытка контакта оказалась более успешной. Могильным холодом от Мани не веяло. Щека была синей, но тёплой. Убедившись, что перед ним живой человек, Нищета облегчённо вздохнул и, потеряв интерес к исследуемому объекту, лениво направился к столу.

– Фу ты. Надо же, как испугала, – выдохнул он с облегчением. – Никак не могу привыкнуть к твоим милым женским шалостям. Поведай мне, убогому, это у тебя что, боевая раскраска или новая косметическая мода в стиле кладбищенского ренессанса? Женщины, женщины. И когда успела так прихорошиться? Месяц назад батарею центрального отопления не смогли покрасить. На батарею, получается, краски пожалела, а на себя нет, – сварливо ворчал он, с исследовательским интересом осматривая женщину со всех сторон. – Это надо же так расстараться – ни единого белого пятнышка. Ты у меня теперь не просто красивая. Ты, Маня, красивая до безобразия, – ухмыляясь, продолжил он. – Надо же так радикально улучшить внешний вид? Кто же тебе такое паскудство посоветовал? Сама бы ты вряд ли додумалась. Если хочешь знать моё мнение, этот цвет тебе не к лицу.

– Что? – прошамкала Маня трясущейся челюстью, не сводя выпученных от страха глаз с синего Василия Митрофановича.

– Нет, вообще-то, ничего, – пытаясь придать голосу нотки безразличия, сказал Нищета. – Привыкнуть можно. Со временем. Такие благородные тона мне уже где-то приходилось видеть. Вспомнил. В зоопарке. Так выглядит задница у макаки. Нет, у неё, пожалуй, оттенки мягче будут.

– Господи, утопленник! – срывающимся от страха голосом сказала Маня. – Откуда он здесь взялся? Второй месяц в кране воды нет.

Она неистово перекрестилась, плюнув в сторону Василия Митрофановича.

– Вот дура необразованная. Не ори, всех соседей на ноги поднимешь, – безразлично сказал тот, обнюхивая стакан с остатками вчерашнего пойла. – Последние мозги пропила. Мужа родного с утра опознать затрудняется. Вася я, кикимора. Ва-ся, – говорит по слогам. – Узнала, наконец?

– Утопленник Вася? – продолжала дрожать всем телом Маня.

– Просто Вася. – Нищета в сердцах ударил пустым стаканом о стол. – Вот послал Господь наказание. Где ты видела, чтобы утопленник по квартире ходил, да ещё и разговаривал, а? Сожитель я твой, Василий Митрофанович. Внимательнее присмотрись ко мне.

– Как будто похож, – всё ещё колебалась Маня, близоруко всматриваясь в черты лица раздражённого Нищеты. – Только чего же ты синенький-то такой? Рожа опухла и синяя вся как у утопленника недельной давности.

– На себя посмотри, образина, – Нищета, грубо схватив сожительницу за рукав кофты, подтащил к зеркалу. – Господи, ну и уроды, – с неприязнью смотрел он на два мерзких синих отражения.

– Мы теперь оба с тобой синие, ни одного светлого пятнышка, – не переставая любоваться собой, кокетничала успокоившаяся Маня. Она вертелась перед зеркалом и улыбалась, рассматривая себя со всех сторон. – Что же это интересно у нас с тобой за национальность такая будет? Теперь мы наименьшие нацменьшинства в стране и даже во всем мире. Двое нас всего таких. Любые льготы можем требовать от государства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.